

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

ОДНА, НО ПЛА
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЕВГЕН

...Тимур окружает шайка под командой Фигуры. Тимур трогает Фигуру за рукав и совсем неожиданно спрашивает: – Фигура, ты стихи любишь?

– Стихи. Ну вот, например:

Отец, отец! Дай руку мне...

Ты почувствуешь, моя в огне.

Знай, этот пламень с юных дней,

Таясь, жил в душе моей...

– Скажи, Фигура, у тебя пламень в душе есть? ... (продолжает):

Имел одной он думы власть,

Одну, но пламенную страсть...

... Фигура (после долгого колебания, зло): – Иди к чёрту! ... Тимур: – Прощай.

Фигура...: – Стихи я тебе помню дочитать... (Уходит). Фигура ... (Надвигаясь на

одного из мальчишек): – А у тебя есть в душе пламень? Мальчишка (гордо):

– Нет... этого нету... Фигура (горько и зло): – Вот то-то и есть, что нету!

Этот фрагмент из незаконченной повести Аркадия Гайдара «Клятва Тимура» Евгения Оскарωνα процитировала наизусть и закончила так: «Тимур остаётся Тимуром». И стало ясно: высшая оценка человека для неё – пламень в душе.

Но вообще-то пламень – штука неверная: он угасает. Тот пламень, что одушевлял Тимура в первой повести («Тимур и его команда»), во второй – уже под серьёзной угрозой. Правда, из приведенного фрагмента видно, что, несмотря на различные искушения, Тимур всё-таки удалось сберечь искру того пламени. Да, удалось. На целый год или дольше, как знает? Во всяком случае, Гайдар род этому Рада и Евгения Оскарωνα, хотя старшая Тимура более чем в пять раз, а искушений, опасностей и сложностей в её жизни было, наверное, больше раз в сто. Но она, эта маленькая женщина, всё живёт той пламенной страстью, которая однажды вспыхнула в её душе и горит, горит неутожимо...

Эта страсть – ответственная детская литература. На первый взгляд, даже слова эти – «страсть» и «детская литература» трудно совместимы. В детской литературе звенят и смеются, слезы, игры, песни и плещутся друг друга, в ней зарождаются и расцветают разнообразнейшие чувства, но страсти встречаются нечасто. Более того, давно известно, что литература для детей не была страстью даже для многих крупнейших советских писателей. Она стала для них убежищем, приютищем гонимых и неугодных... Но для Евгения Оскарωνα Пугиловой она была страстью, горячим, верным и неизменной любовью на всю жизнь. Вот почему когда просишь её рассказать о себе, она начинает говорить о трагической судьбе Гриши Бельых, отце Виккисора, о горестном удалье русской писательницы Гидии Чарской, о неизвестных авторах прославленных детских стихов, ну, например, «В лесу родилась ёлочка»... Все они и составляют её жизнь. Уж имена и судьбы ей удалось раскрыть, расшифровать, извлечь из забвения и неизвестности. Теперь

они достояние науки, сведения о них занесены в литературные энциклопедии и школьные учебники. В истории отечественной детской литературы стираются «белые пятна», восстанавливаются вышедшие или сознательно выброшенные в своё время звенья. Это было бы невозможно, если бы кто-то – вдруг не овладела страсть к открытиям, к служению истине, долору и красоте.

ЛЮБОВЬ К ГАЙДАРУ

Евгения Оскарωνα поступила в аспирантуру, и в первую же встречу с научным руководителем забавный у них вышел разговор. Д.Е. Максимов, блестящий знаток русской поэзии, сделал широкий жест:

– Ну-с, выберите: Тютчев, Фет, Блок, Анненский, весь Серебряный век...

– Но я уже выбрала тему, – сказала она. – Творчество Гайдара.

– Гайдар? Позвольте, это же такой? Он что-то написал?

И пришлось аспирантке-первокурснице знакомить своего руководителя с этим писателем. Ей было дорого в Гайдаре заданность интуиции, человечность и мягкий юмор, самоотверженное служение идеалу, личностное и тот самый «пламень чистого горя». Положение аспирантки дало ей право в 1951 году познакомиться с архивом Гайдара. И любящий писатель открылся ей совершенно по-новому. Работала она в архиве. В результате возникло первое серьёзное исследование его произведений... Кандидатская диссертация так и называлась: «Творчество А.П. Гайдара». Потом вышла в свет книга о Гайдаре. В те времена было почти невозможно написать хоть что-нибудь без цитат и ссылок на классиков марксизма. В книге Гайдаре удалось обойтись без них. Это, между

прочим, дорогого стоило...

В конце 80-х жизнь в нашей стране круто изменилась, перевернулись все критерии и оценки, плюсы и минусы поменялись местами, началось низвержение подряд всех кумиров советской эпохи. Ну, а Гайдар! Конечно, его поспешили сокрушить одним из первых. Причём не только и не столько за искренние заблуждения. Его выставили к позорному столбу в качестве классикам приговорённого, главным образом, для того, чтобы длинная ветвь легла на его внука – Егора Гайдара. «Я не стесняюсь ни одной строчки, написанной Гайдаром», – говорит Евгения Оскарωνα. Она писала о нём из любви, а не из конъюнктурных соображений. И пересматривая своё мнение о нём из подобных соображений она не собирается. Она хранит верность своей первой любви.

Работа, которую мы выбираем, в значительной степени определяет определяя наш склонности, идеалы, характер. Дипломное сочинение, которое написала Евгения Пугилова, называлось «Христос и князь. Мысли». Однако на него стоял 1947 год. Мало-помалу пошло вытеснение Достоевского из истории русской литературы, ну, а уж Христос из культурной жизни страны вытеснен был куда более «решительно и энергично». Так возникло одно из первых прелюбительств на пути к тому, что ощущалась как призвание. Однако, хоть и не без некоторых потерь, его удалось преодолеть. За две недели работа была переписана и защищена уже под нейтральным названием «Творческая история романа "Идиот"». Литература и литературоведение начали переходить на Заповоз язык. Его понимали единомышленники. И официальный оппонент, Д.Е. Максимов, сразу сумел разглядеть и суть работы, и одарённость дипломантки. Он

предложил ей безотлагательно поступать к нему в аспирантуру. Но она-то уже знала, что ныне под негласным запретом находится не только целый ряд писателей, но только религия, но и народ, к которому она принадлежит: знаменитый пятый пункт анкеты став играть в судьбе человека решающую роль. Путь в науку был заказан. В какой-то мере мог помочь стаж работы. Евгения Оскарωνα стала учительницей русского языка и литературы в иркутском техникуме. И тут фортуна вдруг ей улыбнулась.

В Ленинграде широчайшую деятельность развернула Городское лекционное бюро. Нередко приглашалась выступать и учителя. Лекции читались перед спектаклями и киносеансами, на заводах и фабриках. Порой лектор должен был в течение дня выступить в 7–8 местах и позаночить рабочих с творчеством Толстого или Пушкина, Чехова или Салтыкова-Щедрина. И. Пугилова, прошедшая прекрасную филологическую школу, откликнулась на любую заявку. Она могла подготовит лекцию за одну ночь. Её стали приглашать всё чаще и чаще. Поспалась заявки от Домов пионеров, школ, пионерских лагерей. С детьми надо было говорить о детской литературе. Так, почти в 30 лет состоялось её знакомство с творчеством А.П. Гайдара и с детской литературой.

ДОМ ВЕСЕЛЫХ НИЩИХ

Потом Евгения Оскарωνα познакомилась с Л. Пантелеевым. Нет, не просто с его творчеством, а с ним лично. Она была аспиранткой, а затем и преподавателем кафедры литературы Областного педагогического института им. М.М. Покровского. Нам хорошо известно это здание на Малой Пискаревской: сейчас там располагается факультет коррекционной педагогики нашего университе-

та, и Евгения Оскарωνα там и ныне успешно работает. А тогда Алексей Иванович Еремеев (это его настоящее имя) тоже жил на Малой Пискаревской. Направляясь в институт, она заходила к нему – как правило, за три часа до лекции, и они разговаривали. Из этих разговоров выросли две книжки о Пантелееве. Особенно Евгению Оскарωνα интересовало, конечно, «Республика Шкид» (1927), которую Пантелеев написал в соавторстве с другим «шкидцем» – Григорием Бельых – когда им было по восемнадцать лет.

В связи со Шкидой возник целый ряд захватывающих вопросов. Как они писали вдвоём? Какова судьба соавтора – Гриши Бельых? Кто с ним? Какие переписки выпали на долю самой книжки после её выхода в свет? Как сложилась жизнь остальных шкидцев? Кто такие хвадзиды? Блудливые персонажи? Или у них есть реальные прототипы? Можно ли было выдумать Виккисора? Кто он – эта загадочная личность?

МЕННАЯ СТРАСТЬ. ИИ ОСКАРОВНЫ ПУТИЛОВЫ

Как писали вдумев? А просто развелили главы! Кантеев писал свою часть. Но Пантелева был доставлен в Шкиду в 1921 году, то есть спустя полтора года после ее открытия. Значит, первая и большая часть книги написана Бельх! И как озорно, как весело, талантливо написана! Но что же с ним стало потом? Евгения Оскарровна бросилась отыскивать его следы.

После «Шкиды» пути авторов стали расходиться. Пантелева примити Горький, затем Маршак. Он много учился и много писал. А Грива Бельх в 1933 году выпустил книжку «Дом веселых нищих» и замолк. «Значит, он уже тогда всё понял?» — дорпыталась она у Пантелева. Значит, понял... То, что действительно всё понял, совершенно очевидно из обнру-

тормым здесь не просто давали кусок хлеба, но и полноценные знания, в главное — возвращали человеческое достоинство и чувство чести. Было известно, что Шкида просуществовала недолго. Притир методов воспитания, культивируемых Викнискором и верными халдеями, выступила сначала Н.К. Крупская, а в 1937-м на них обрушился Макаренко. Это была настоящая «Педагогическая интрезда». Викнискор исчез. И traces бы навсегда, если бы не энергия и подлинная страсть к разгадыванию исторических и литературных загадок Евгения Оскарровна. Она провела настоящее расследование и установила, что Викнискор ещё долгое время работал с молодыми людьми, и не где-нибудь, а здесь, рядом, в нашем — Герценов-

Вето наложилась статья Маршак «Ю наследство и наследственно-сти в детской литературе». После нее уже практически ничего не переиздавалось. А Евгения Оскарровна стала поднимать старинные журналы — начиная с конца XVI — начала XVII вв. Уже в них были попытки, ещё очень неуклюжие, обращения к детям. XVIII век их просвещал, XIX — столетие одарило детей подлинной радостью приобщения к настоящей поэзии. А какие журналы тогда выходили! «Родник», «Галчонок», «Солнышко», «Жаворонки», «Здущенное слово», «Рассыные зори», «Золотое детство», «Триолка»... Результатом многолетней кропотливой работы Евгения Оскарровна стал двухтомный труд «Русская поэзия детям» (1937), изданный в Большой серии Библиотеки

1634 по 1917г., второй — с 1917 по 1941-й. В 20-30-е годы для взрослых уже невозможно было писать с той дерзкой отчаянной смелостью, которая ещё допусклась в разговоре с детьми. Таким образом, жизнь страны и жизнь русской поэзии предстает в этом двухтомнике в совершенно неожиданном ракурсе. На столе у Евгения Оскарровна уже давно лежат вполне завершённый третий том «Поэзия для детей» — с 1941 по 2000 Г. Он всё ждёт и ждёт своего издателя...

В третьем томе представлены стихи совсем молодых и немолдых современных поэтов. Все они обращались к ней как к мэтру, ждали поддержки, и она неизменно её им оказывала. Не только поэтам. Её друзьями и единомышленниками были такие известные ныне прозаики, как В. Голыкин, В. Арро, А. Крестинский. Её обширную переписку с детскими писателями записали рукописный фонд Российской Национальной библиотеки. А когда её принимали в Союз писателей, Радий Погодин сказал: «А что её обсуждать — она же Бабушка нашей детской секции!» На это обсуждение и кончилось...

Тема докторской диссертации Е.О. Путиловой «Пути развития литературы для детей XIX — начала XX в. в (проблема традиций)». Эта тема оставалась в кругу её разговоров со сёй день. Она интервюет на персоналиями прославленных мастеров слова — Н.Г. Короленько и В.В. Вересаева. Она стремится вернуть современным маленьким читателям замечательные книжки незаслуженно забытых писательниц — Анненской и Моравской. Совсем особые отношения у неё складываются с Л.Черской. Да, да! Отношения. И дело не только в том, что одно из московских издательств предложило ей подготовить восьмитомное собрание сочинений Черской. В архивах она открыла весьма объёмное собрание писем писательниц, в которых та доверительно сообщает о подробностях своей непростой жизни. Задача исследователя — на основе вновь найденных документов восстановить её реальный образ и реальный жизненный путь. Черская умерла в нищете и безвестности. Евгения Оскарровна установила место её захоронения и зарегистрировала могилу на своё имя, чтобы она не была «обсознан», но подверглась разрушению. И теперь каждый, кто так или иначе списрисясся с творчеством этой писательницы, может почтить её память, придя на Смоленское кладбище.

По словам Л. Пантелева, детская литература есть обращение ко всему непосредственному, непосредственному в человеке. Это непосредственное и непосредственное хочется сбережть как можно дольше. Об этом пишет и неустанно говорит на своих лекциях студент-профессор Е.О. Путилова. А говорит Евгения Оскарровна горячо и страстно. Сейчас так уж почти никто не говорит. Ныне в моде холодная и многозначительная сдержанность благообразной вежливости. Но детская литература

— Гайдар и Фраерман, Андерсен и Чуковский, Толкин и Клайв Льюис — это открытый и радостный высплеск, выброс горячих чувств, это «пламя в дыре».

И Евгения Оскарровна Путилова, говоря об имени детской литературы, так же открыто и радостно делится своею страстью: которая по-прежнему горит в её душе, со студентами, коллегами, с детьми разного школьного возраста.

Большое спасибо Вам, Евгения Оскарровна, за то, что Вы так щедро и бескорыстно дарите нам не только свои знания, опыт, но и свои чувства. Настоящие большие чувства обладают способностью вызывать отклик...

Разумеется, судьба автора повлияла на судьбу книги: она исчезла из библиотек и с прилавков. Но не из памяти тех, кто успел её прочитать и полюбить. Пантелеву «Шкида» дважды спасла жизнь. Когда началась Отечественная война, с новой силой возобновилось «чистилище». Автор запрещённой книги, естественно, был на подозрении. В 1941 году его вызвали в хорошо всем известное учреждение, забрали паспорт как бы для проверки, а затем приказали за ним явиться. Он уже собрался выходить, когда раздался телефонный звонок и незнакомый голос сказал: «У вас имеется информация прописка. Это означает, что вас должны вывести независимо куда. Не приходите за паспортом!» Звонил — несомненно, н риска — какой-то маленький чиновник, читатель и почитатель «Шкиды». И Пантелев жил в Ленинграде без паспорта, без хлебной карточки до 1942 года, едва не умирая от голода.

Однако так, в хорошо всем известном учреждении, о нём не забыли: на розыски был направлен красномерк, который должен был арестовать Пантелева. Обнаружив его, он вдруг спросил: «А Шкиду — это не ты написал? Ну, тогда будем считать, что тебя не нашли».

«Шкида» помогла не только уйти от преследования, но и продолжить работу: С.Я. Маршак выступил в его защиту перед А. Фадеевым, председателем Союза советских писателей. И сразу всё круто изменилось: было отдано распоряжение вывезти Пантелева из блокадного Ленинграда на специально откомандированном самолёте.

Судьбы «шкидцев» сложились по-разному, но мало кому удалось прожить долгую жизнь. И всё-таки двое из них — Лёнька Пантелев и Кулап Кульч — прощлись однажды с эскурсий по цехам швейной фабрики на Старо-Петергофском шоссе: здесь, в этом здании, когда-то бирлила культура и фантастическая жизнь Республики Шкиду. У каждой двери, в каждом закулке слышалось: «А поминус, вот здесь...»

Экскурсия состоялась в 1992 году после всероссийской конференции, посвящённой столетию замечательного учёного.

Ирина ДНЕПРОВА

ПО СЛОВАМ Л. ПАНТЕЛЕВА, ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЕСТЬ ОБРАЩЕНИЕ «КО ВСЕМУ НЕПОСРЕДСТВЕННОМУ, НЕИСПОРЧЕННОМУ В ЧЕЛОВЕКЕ». ЭТО НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ И НЕИСПОРЧЕННОЕ ХОЧЕТСЯ СБЕРЕЧЬ КАК МОЖНО Дольше.

ском институте. Имя его — Виктор Николаевич Сороча-Росинский Коллеги, студенты видели его каждый день, но никто не мог разглядеть в этом солидном учёном взъероленного и непреодолимого Викнискора. И только такая дотошная исследовательница истинных и литературных приключений, как Е.О. Путилова, смогла установить тождество догдероженного педагога из 20-х годов и седовласого учёного. В 1992 году исполнилось 100 лет со дня рождения В.Н.Сорочки-Росинского. Этому юбилею посвящалась всероссийская конференция, на которой присутствовали даже два шкиды — Лёнька Пантелев и Кулап Кульч.

А для Евгении Оскарровна открытие подлинного облика, жизненного пути и заслуг этих двух людей — учителя и ученика — Викнискора и Г.И. Бельх — было восстановлением исторической справедливости. «Это два дела моего сердца», — говорит она.

Но, конечно, это не так. Дел было гораздо больше.

ПОЭЗИЯ ЖДЕТ ИЗДАТЕЛЯ

Евгения Оскарровна лишилась работы в 1978-м. Длилось это тяжкое испытание четыре года, лет. Но, как иногда бывает, потеря обернулась удачей: от зари до зари она могла просматривать в Публичной библиотеке. И тут ей открылись настоящие «коги царя Соломона». Занимаясь советской детской литературой, Евгения Оскарровна и не подозревала, какое богатство уже существовало в России раньше. Никто о нём решительно не вспоминал и не знал.

Поэта. Он впервые вернул сотни прекрасных стихов и рассказы забытых имён в антологию русской поэзии. Были атрибутированы все детские стихи, любимые до и после 1917 года. Так мы узнали, что «Ах, поплалас, птычка, стой, / Не уйдёшь из сети...» написана А.А. Плещинской (1830—1891), писательница, которая занималась просветительской деятельностью, но ратовала за то, чтобы в литературе дети могли удовлетворить не только «потребности ума», но и «потребности сердца». Знаменитый «Вечер был, сверкали звёзды...» принадлежит перу К.А. Петерсона (1811—1890), а «Дети, в школу собирайтесь...» — Л.Н. Модзалевской (1837—1896), бывшим любимым преподавателем словесности в Смоленском институте, много сил отдавшим разработке методик воспитания и обучения глухонемых детей. Необычайно живучий Сайчук, на которого охотник по зёйку «Раз, два, три, четыре, пять» стреляет уже более ста пятидесяти лет, создан известным переводчиком Шкьера и Шкьера Ф.Б. Миллером (1818—1881). О многих, многих стихах и поэтах мы узнали из этого двухтомника. Е.О. Путилова снабдила его колоссальным научным аппаратом, не просто скрупулёзно-выверенным, но представляющимсобосамостоятельную захватывающий текст. В нём воссозданы биографии поэтов, порой совершенно неизвестные, в порой намеренно забытые. Это биографии тех, кто умер вдаль от родины, но писал для русских детей, оказавшихся, как и поэты, изгнанниками. Её книга открыла возможность вернуть в детские хрестоматии прекрасные стихи С. Горюхового, Саши Черного, Бальмонта, М. Цветаевой. Первый том охватывает поэзию с

женной поэмы «Два вилея». В ней Пётр I склоняет голову перед вождём всех народов: такого колесвета крепноты для возвеличивания деревни уже загубить не удалось... Арестовали Бельх в 1937-м по доносу соседа. Кроме поэмы, в его бумагах находили царственные частушки. Это были записки, сделанные в деревнях под Ленинградом. Евгения Оскарровна даже помнит некоторые на память:

«Х, калина, калина —
Много жён у Сталина.
У колхозника одна —
Холодная и голында».

Бельх не назвал ни одной деревни, где собирал фольклор. Сказал, что всё сам сочинил. Умер он в тюрьме от туберкулёза в 1938 году. Он был тридцать лет. Через многие годы Евгения Оскарровна удалось обнаружить и почитать(!) «Дело Бельх». Ныне оно хранится в фондах Российской Национальной библиотеки. Восстановление реальной биографии Г. Бельх, его яркого, нестандартного образа и его роли в истории детской литературы мы обязаны Евгении Оскарроне Путиловой.

Другой фигурой в этой книге, безмерно интересовавший исследователя, был Викнискор — создатель и глава знаменитой Шкиды, ставшей родным домом множеству пропавших ребят, ко-